

RU

Поэзия как преодоление смерти в эссеистике Ф. Верфеля и Э. Канетти

Шастина Е. М., Сейбель Н. Э.

Аннотация. Статья посвящена анализу произведений австрийских писателей-современников Франца Верфеля (1890-1945) и Элиаса Канетти (1905-1994), написанных в жанре эссе, что позволяет проследить творческую индивидуальность большого художника, вступающего в диалог со временем. Цель исследования – определить специфику авторской мифологии и философии Ф. Верфеля и Э. Канетти. В статье сравниваются концепции обоих авторов, выстраивающих взаимосвязь между проблемами времени (сакрального и исторического) и поэзией (как способом победы над ним). На основании анализа эссеистики обоих авторов выявлено, что они трактуют поэзию как путь преодоления смерти, искоренения парализующего человеческого талант и жажду деятельности страха перед ней. Научная новизна заключается во введении в научный оборот ранее не исследованных текстов обоих авторов и установлении их типологических связей на уровне этической и эстетической позиции авторов. В результате доказано, что художников слова объединяет понимание роли писателя в современном мире, заключающееся в противостоянии времени и смерти. Жанр эссе позволяет проследить парадоксальность мышления обоих авторов, совмещающих разные способы миропостижения.

EN

Poetry as the overcoming of death
in the essayistics of F. Werfel and E. Canetti

Shastina E. M., Seibel N. E.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the works of the Austrian writers-contemporaries Franz Viktor Werfel (1890-1945) and Elias Canetti (1905-1994). These works are created in the genre of essay. It allows us to trace the creative individuality of a great artist being engaged in a dialogue with time. The article is aimed at revealing the specifics of the author's mythology and philosophy of F. Werfel and E. Canetti. In the article, the conceptions of both authors are compared. F. Werfel and E. Canetti interconnect the problems of sacral and historical time and poetry as the way of defeating time. On the basis of the essayistics analysis of both authors it has been identified that they interpret poetry as a way to overcome death and eradicate fear of death, which paralyzes a person's talent and thirst for action. The research novelty lies in the scientific introduction of the unstudied texts of both authors and in the definition of their typological connections at the level of ethic and aesthetic positions of the authors. As a result, it has been proved that the literary artists are united in their understanding of a writer's role in the modern world. This understanding consists in the confrontation between time and death. The genre of essay allows us to trace the paradoxicality of thinking of both authors, who combine different ways of world perception.

Введение

Творчество двух выдающихся австрийских писателей первой половины XX века – Франца Верфеля (1890-1945) и Элиаса Канетти (1905-1994) – изучено неравномерно. Верфель для своих исследователей – в первую очередь лирик-экспрессионист (Leide, 1954; Wagener, 1993) и автор таких известных романов, как «Верди», «Сорок дней Муса-Дага» и «Песнь Бернадетте» (Eggers, 1995). Нобелевский лауреат Канетти активно изучается как автор романа «Ослепление» (1935) и создатель социолого-культурологического трактата «Масса и власть» (1960). Между тем оба они – авторы многочисленных эссе на темы истории, антропологии и поэзии, оба часто выступали с лекциями и речами и обладали способностью оказывать на слушателей сильное впечатление: «Помимо Томаса Манна, действительно было только три писателя, которые могли так великолепно читать свои собственные произведения: Краус, Канетти и Верфель» (Jungk, 1990, p. 114).

В качестве материала для сравнения в данной статье выступают лекция «Об истинном счастье человека» (Werfel F. Von der reinsten Glückseligkeit des Menschen. Stockholm: Bermann-Fischer Verlag, 1938), прочитанная

Францем Верфелем в начале декабря 1937 года в австрийской секции Лиги Наций в Вене, и речь Канетти по случаю пятидесятилетия Германа Броха (“Hermann Broch. Rede zu einem 50. Geburtstag”), озвученная им также в Вене в ноябре 1936 года (впервые была опубликована в 1962 году) (Canetti E. Welt im Kopf. Eingeleitet und ausgewählt von Erich Fried. Graz – Wien: Stiasny Bücherei Verlag, 1962), в которой больше говорится о роли художника в современном мире, чем о писателе – Германе Брохе. Отдельные идеи Канетти о роли литературы и истинном призвании художника получили продолжение в эссе «Призвание поэта» (“Der Beruf des Dichters”) (Canetti E. Das Gewissen der Worte: Essays. München – Wien: Hanser, 1976), также привлекаемом в настоящем исследовании в качестве материала. Эссе Канетти приводятся в статье в переводе С. Шлапоберской и С. Власова (Канетти Э. Человек нашего столетия / пер. с нем.; сост. и авт. предисл. Н. С. Павлова; коммент. Р. Г. Каралашвили. М.: Прогресс, 1990). Кроме того, отдельные идеи Верфеля даются со ссылкой на другие произведения писателя (Верфель Ф. Черная месса / пер. с нем. А. Кантора. М.: Эксмо, 2005).

Актуальность темы во многом обусловлена тем, что публицистические тексты Ф. Верфеля и Э. Канетти предоставляют широкое поле для исследователей в силу яркости их построения, широты отраженного в них мышления, очевидной связи с художественным творчеством, лабораторией по апробации идей. Исследование выбранных для анализа текстов, их ориентированности на решение коренных вопросов литературы: её места в быстроменяющемся мире, необходимости поиска путей для сохранения гуманности, истины и добра погруженным в сиюминутное и преходящее человечеством, её формирующего и направляющего воздействия на читателя – позволяет расширить литературный контекст эпохи, что даёт возможность вписать анализируемые произведения в общеевропейский философско-эстетический контекст литературы XX века.

Своеобразие эссеистики, построенной по «законам свободного жанра» (Эпштейн, 1987, с. 120), позволяет по-новому увидеть обоих авторов, обратить внимание на парадоксальность их мышления, сочетающего философско-углубленное осмысление текста с «приемами создания эссеистического авторского “я”» (Кайда, 2022, с. 4). Несмотря на то, что природа жанра эссе является предметом многочисленных научных дискуссий, целостная концепция этого жанра на сегодняшний момент отсутствует как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении (Чудинова, 2010, с. 268), что также свидетельствует об актуальности исследования и своевременности постановки проблемы.

Задачи настоящего исследования: выявить своеобразие индивидуального стиля Ф. Верфеля и Э. Канетти в жанре эссе на тематическом и языковом уровне; описать различие и сходство в понимании ими категории времени и истории; раскрыть постулируемую обоими авторами роль литературы в противостоянии смерти и забвению.

Будучи мыслителями-мистиками, Ф. Верфель и Э. Канетти – каждый по-своему – пытаются преодолеть страх смерти и считают борьбу с ним главной задачей поэзии и философии. Сравнительный анализ эссеистики обоих авторов является продуктивным методом исследования, способным привести к выводам о сути творческой индивидуальности и специфике авторской позиции обоих писателей. Возникающие при этом аналогии вряд ли можно рассматривать как случайные, скорее, они отражают настроение времени и кризисность сознания межвоенного двадцатилетия, когда закладывались основы мировоззрения каждого из них. Эссе «Призвание поэта» свидетельствует о постоянстве взглядов Канетти на сущность художника-творца, спустя годы он так же, как и прежде, ведет речь о предназначении поэта. И хотя «произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, притом часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» (Бахтин, 1986, с. 504), общая направленность исканий – ответ на те запросы, которые сформулированы историей.

Теоретической базой исследования являются основополагающие труды по компаративистике и сравнительно-типологическому литературоведению В. М. Жирмунского (1996) и Ю. М. Лотмана (2000). Авторы статьи учли точки зрения отечественных и зарубежных исследователей относительно жанрового своеобразия эссе (Кайда, 2022; Эпштейн, 1987; Чудинова, 2010; Mausch, 2016), в трудах которых за эссе закреплён ряд характерных признаков: субъективность, небольшой объём, сосредоточенность на конкретной теме, свободная композиция, диалогичность, использование многочисленных средств выразительности и т. д. Все эти черты полно отражены в эссеистической прозе Ф. Верфеля и Э. Канетти.

Практическая значимость работы заключается в возможности синтеза литературоведения, философии и эстетики, построения межпредметных связей, что является важной тенденцией современного образования, способствующей качественному обучению студентов-филологов. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в вузовских курсах по истории зарубежной литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных феномену австрийской литературы.

Обсуждение и результаты

Ф. Верфеля и Э. Канетти роднит обращение к **поэзии как форме усовершенствования человека и изменения его мировосприятия**. Осознание сущности эпохи и её связи с вечностью и мифом – назначение поэзии для Канетти. Он определяет задачу жизнеутверждения как главную для искусства и полагает поэзию потенциально способной искупить и исправить ошибки человечества. Для Верфеля принципиально важен исторический контекст, и обращение широких масс читателей к поэтическим формам мышления воспринимается им как путь совершенствования общества и избегания исторических катастроф.

Поэт и время – основная тема, сформулированная Э. Канетти в речи по случаю пятидесятилетия глубоко почитаемого им автора – Германа Броха, которого, по мнению Канетти, время почтило пьедесталом,

достойным настоящего писателя, который «всегда во власти своего времени, он его слуга, его крепостной, его последний раб. <...> ...он пёс своего времени» (1990, с. 24), «этот порок связывает писателя с его окружением... У каждого свой порок, неповторимый и новый в новой ситуации эпохи» (1990, с. 25). Способность остро чувствовать происходящее и проживать его как часть своего собственного внутреннего мира, оставаться собой, погружаясь в нерв и стиль эпохи – важнейшая художественная задача для Канетти. Только находясь «на службе у времени», писатель может реализовать свой дар, свидетельствующий об его оригинальности. При этом писатель далек от геройства, он не в силах одолеть свое время, напротив, он подвластен времени, в этом его суть и предназначение.

Писатель – оригинален, «или он не писатель вовсе» (Канетти, 1990, с. 25). Субъективная, в определенной степени парадоксальная установка автора указывает на главный атрибут художника – жизнеутверждение. По мнению К. Мауша, речь по случаю юбилея Броча является своеобразной «предысторией литературного феномена Канетти, заключающегося в попытке отождествления жизни и творчества» (перевод автора статьи. – *Е. Ш.*) (“Die ‘Broch-Rede’ bildet dieses Moment, das die ‘Vorgeschichte’ des literarischen Phänomens Canettis in eine neue Phase, in den Versuch, die Identität von Leben und Werk zustande zu bringen, einfließen läßt” (Mausch, 2016, S. 69)).

Миссия поэта, по мысли Э. Канетти, – **противостояние смерти**. Так, в Мюнхенской речи (1976) писатель обращается к прошлому, отягощенному мировыми войнами, задается вопросом: «Если словом можно натворить такое, то отчего нельзя словом же и помещать этому» (Канетти, 1990, с. 132). «Наивность» художника в отношении силы слова заслуживает всяческой похвалы. Лишь «оставаясь при слове», поэт несет ответственность за право быть **«хранителем превращений»** – впитывать в себя литературное наследие человечества и «пользоваться даром перевоплощения» – «становиться каждым, также крошечнейшим из малых, наивнейшим, беспомощнейшим» (Канетти, 1990, с. 136). Поэт, который не замечает, что происходит с миром, едва ли в состоянии что-нибудь сказать о нем: «Не может быть делом поэта – отдавать человечество на произвол смерти» (Канетти, 1990, с. 140).

Ф. Верфель отрицает **легкомыслие современного искусства** и ставит ему в упрек его развлекательно-бытовой характер, отвлекающий человека от постановки и решения коренных вопросов бытия: «Игра! Какое... страшное слово! Люди подгоняют свою короткую жизнь игрой в карты, походами на скучные фильмы и спектакли, пустым общением» (перевод текстов Верфеля здесь и далее выполнен автором статьи. – *Н. С.*) (Werfel, 1938, S. 8). Автор уверен, что грех забвения – главный грех человечества. Оно отказывается от своего божественного происхождения, от завещанных ему мира и прощения, от миссии познания и прозрения Бога как главной миссии человека. В пропагандируемом и культивируемом новом искусстве акцент ставится на социальном, бытовом, правдоподобном, упрощенном – что в эстетике Верфеля понятия одного рода. Утрата детской наивности и открытости миру, бывших залогом проникновения в тайны бытия, – тема, устойчиво возникающая еще в раннем творчестве писателя (можно вспомнить новеллы «Другая сторона» (1916) или «Парк аттракционов» (1920)). В речи «Об истинном счастье человека» Верфель связывает историческую напряженность конца 30-х годов с торжеством «реализма» в массовом искусстве и предлагает создать «Всемирную академию писателей и мыслителей», противостоящую прямоте и примитиву пропаганды. Он утверждает, что только заново открыв истинные ценности – «призрачную», мистическую природу искусства – человечество может пробудиться от своего нынешнего «кошмара».

Из текста в текст Ф. Верфель формулирует **циклическое представление об истории** как пути грандиозных революционных переворотов. Примерами и аналогами событиям современности становятся доветхозаветная история в «Черной мессе» (1919), Великая французская революция в романе «Барбара, или Благочестие» (1929), разрушение Храма Соломона Навуходоносором и изгнание еврейского народа в эпосе «Иеермия, или Слушайте голос» (1937). Каждый раз ответственность и право окончательного решения глобальных исторических вопросов Верфель возлагает не на эпических героев или исторических деятелей – из текста в текст представители враждующих сторон имеют равные права на власть и в равной мере используют преступные средства ради неясных целей, а на рядового человека, который легитимизирует притязания той или иной партии, вставая на её сторону. Именно поэтому просвещение обывателя и обращение его к вопросам общеисторическим и религиозно-мистическим, обучение его образному восприятию мира, формирование в нем способности к поэтическому мышлению кажутся Верфелю задачами первостепенной важности.

Э. Канетти считает, что в стремлении охватить свое время писатель приближается к универсальности, сближающей его с философом. Ф. Верфель полагает труд писателя родственным труду, с одной стороны, религиозного мыслителя, с другой – революционера. Априори оба автора – писатели философствующие, выстраивающие собственную систему координат, оперирующие «бытовой лексикой» и в то же время демонстрирующие всеохватывающее познание бытия.

На фоне идеологических посылок, связывающих поэзию с происхождением, бытованием и историей человечества, вопросы понимания искусства обретают в эстетике Верфеля и Канетти особое значение.

Само слово «поэт» принадлежит, согласно Э. Канетти, к «совершенно деградировавшим и в течение некоторого времени лежащим в беспомощном изнеможении словам» (1990, с. 130), потому что назначение поэта в «большом времени» заключено в противоборстве всем соблазнам, возникающим у него на пути: «...тот сегодня не поэт, кто не сомневается всерьез в своем праве быть им» (Канетти, 1990, с. 131). Канетти, подобно Ф. Верфелю, понимает серьезность миссии художника в эпоху «великих перемен», заданных ходом истории.

Ответственность поэта перед современниками велика, не менее велика роль мифологических фигур, от Одиссея до Гильгамеша, встречающихся в мировой литературе, это «духовное наследие, которого не исчерпать» (Канетти, 1990, с. 135), отход от мифов, характерный для «Нового времени» представляется «всякого рода непотребностями, совершавшимися с опорой на мифы» (Канетти, 1990, с. 139). Оба писателя **видят в мифологии истоки мирового литературного процесса**, мифы вечны, следовательно, современны и своевременны.

Еще одно не менее важное требование, которое предъявляется писателю, – противостояние времени – «всему времени в целом», что означает противостояние смерти, «пока существует смерть, всякое слово – это прекословие ей» (Канетти, 1990, с. 27), его собственный страх перед смертью должен стать «смертным страхом всех» (Канетти, 1990, с. 28).

Ф. Верфель исходит из божественной природы слова как главного дара, приравнивающего человека к Творцу, позволяющего ему проникнуть в тайны мироздания, через именование присвоить себе власть над предмитами: «Золотой век, о котором повествуют мифы всего человечества, обладал божественным даром именования. <...> В начале было слово. И слово было у Бога. Только потому, что ему было дано слово, человек стал настоящим чадом божьим» (Werfel, 1938, S. 24). Изначальное Слово, убежден автор, обладало мощью поэтического воздействия, поскольку было метафорой, соединяющей воедино множество смыслов и явлений мира, устанавливающей связи человека с природой. Человек, способный увидеть на звездном небе изгибы рогов тельца и связать представшую перед ним картину мироздания с древней историей, запечатленной в мифе, может побороть чувство собственной ничтожности и уязвимости перед лицом природы. Многоуровневость смыслов древнего искусства Верфель иллюстрирует множеством примеров. В каждом древнем знаке минимум средств передает максимум семантических связей. Новое искусство подменяет многообразие утилитарностью. Так, иероглиф, несущий в себе сложную мыслительную картину, вытесняется буквой, в которой заключен лишь звук; древним притчам на смену приходят дидактические поучения, передающие нормативные модели поведения человека в социуме. Если древнего жреца сознанием собственной “Nicht-Tod” (Не-Смерти) и сопричастности мирозданию наделяли властью именования и ощущение обретаемого верховенства над предмитами, то человеку новому остались свежесть поэтических экспериментов, поиск нового звучания знакомых слов, «творчески-освобождающий восторг» (Werfel, 1938, S. 13) обновленных метафор – бесконечный поиск открытого миру поэта, пересоздающего природу заново.

Развивая концепцию поэтического овладения миром, Ф. Верфель прямо отрицает аристотелевский катарсис как абсолютизированный путь к просветлению через искусство. «Искушительная слезливость» (Werfel, 1938, S. 8), порожденная вызывающим сочувствие событием, отрицается как сомнительная и даже дискриминирующая искусство в его мистико-религиозной миссии. Язык поэзии – это «не коммуникативная проза, а познавательно-опьяняющее пение» (Werfel, 1938, S. 25). Человек, переживающий восторг при соприкосновении с искусством, реагирует не на фабулу, не на судьбу героя, а на поэтичность, музыкальность, красоту происходящего: «Не материал приводит вас в указанное волнение. <...> Вас трогает воспоминание об архаическом состоянии блаженства» (Werfel, 1938, S. 33).

Ф. Верфель абсолютизирует не просто слово, а слово музыкальное. Пережив «грехопадение, потерю рая, лишение первобытного счастья – или как бы мы ни называли тайну исчезнувшего единства наших первоначальных душевных сил» (Werfel, 1938, S. 31), человек получил взамен Гёте и Ленау как «воспоминание о благом и справедливом мире» (Верфель, 2005, с. 380) и утешение в тоске по Богу и в страхе смерти.

Самый большой грех, который может совершить человечество против самого себя, – попытка ограничить поэзию правилами, нормами, законами. Требования правдоподобия, полезности или поучительности приведут лишь к утрате живительных сил поэзии, её способности к переоткрытию мира. “Reine Glückseligkeit” (чистое блаженство) (Werfel, 1938, S. 8) трансформировалось со сменой эпох в “Glückseligkeit der Kunst” (блаженство искусства) (Werfel, 1938, S. 32), которое снова поставило человека на порог ощущения собственного бессмертия.

В этом смысле Э. Канетти созвучен Ф. Верфелю, полагая, что «поэтом можно считать того, кто придает большое значение словам» (Канетти, 1990, с. 133), кто относится к словам с еще большим доверием, нежели к людям, кто наделяет слова новой энергией и уверенностью и только потом возвращает их речи, тем самым демонстрируя желание «взять на себя ручательство за все, что может быть облечено в слова, и самому ответить за их несостоятельность, если они предадут» (Канетти, 1990, с. 133).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам: самобытность индивидуального стиля известных австрийских писателей Франца Верфеля и Элиаса Канетти проявляется в жанре эссе, для которого характерны краткость, сосредоточенность на конкретных темах (смерть, время, предназначение художника), парадоксальность и спонтанность мышления, образность языка.

Циклическое представление об истории у Ф. Верфеля созвучно идее Э. Канетти о предназначении художника, которое заключено в служении времени историческому (ответственность перед современниками за происходящее в мире) и всеобъемлющему времени, требующему от поэта универсальности, поскольку литература выполняет важнейшую из миссий, заключающуюся в противостоянии смерти.

Оба художника, объединенные проблемами эпохи, рассматривают литературу как форму усовершенствования человека, что возможно благодаря преемственности духовного наследия, уходящего корнями в историю и мифологию. Ф. Верфель и Э. Канетти считают поэзию способом преодоления забвения и смерти.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении эссеистики австрийских писателей Ф. Верфеля и Э. Канетти с целью выявления самобытности мировидения обоих авторов по ряду важнейших тем и проблем современности.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986.
2. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: курс лекций. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1996.
3. Кайда Л. Г. Эссе: стилистический портрет. Изд-е 4-е, стер. М.: Флинта, 2022.
4. Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур // Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
5. Чудинова Ю. В. Жанр «эссе» в современном литературоведении // Гуманитарные исследования. 2010. № 4 (36).
6. Эпштейн М. Законы свободного жанра (Эссеистика и эссеизм в культуре Нового времени) // Вопросы литературы. 1987. № 7.
7. Eggers F. J. "Ich bin ein Katholik mit jüdischem Gehirn": Modernitätskritik und Religion bei Joseph Roth und Franz Werfel: Untersuchungen zu den erzählerischen Werken. Frankfurt am Main – Berlin – Bern – N. Y. – P. – Wien: Peter Lang, 1995.
8. Jungk P. S. Franz Werfel: A life in Prague, Vienna, and Hollywood. N. Y., 1990.
9. Leide H. Mensch und Welt in der Lyrik Franz Werfels. Berlin, 1954.
10. Mausch K. Das essayistische Bewußtsein als poetologische Kategorie im Schaffen von Elias Canetti. Posen, 2016.
11. Wagener H. Understanding Franz Werfel. Columbia: University of South Carolina Press, 1993.

Информация об авторах | Author information**RU****Шастина Елена Михайловна**¹, д. филол. н., проф.**Сейбель Наталия Эдуардовна**², д. филол. н., доц.¹ Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета² Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск**EN****Shastina Elena Michailovna**¹, Dr**Seibel Nataliya Eduardovna**², Dr¹ Kazan Federal University in Yelabuga² South-Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk¹ shastina@rambler.ru, ² seibel_ne@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 25.02.2023; опубликовано (published): 28.04.2023.

Ключевые слова (keywords): эссе; историческая концепция; смерть; Ф. Верфель; Э. Канетти; essay; historical conception; death; F. Werfel; E. Canetti.